

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1813

В судьбах мировой истории странное отступление французской армии из Москвы вызвало новые события. Угнетенные до отчаяния немецкие народы напомнили о себе, особенно на севере; выход русской армии за границы ее страны был первым сигналом для Пруссии; что могло последовать дальше, еще не было определено. Мне стало неуютно в городе, где эти события, которые обязательно должны были привести войну к границам Богемии, обсуждались каждый день. Я оставил Прагу в середине марта и вместе с горным мастером Линдакером занялся сбором доисторических растений в каменноугольных шахтах, как своих собственных, так и по соседству, и выставлением их на обозрение в особом помещении.

В первые дни мая, когда я работал в саду, я услышал вдали столь хорошо знакомую канонаду, которая задела меня чрезвычайно сильно: это была первая битва под Лейпцигом. С этого момента последовали уже так часто пережитые беспокойные дни: вначале заготовки, затем поставки, размещения и прохождения войск, наборы рекрутов, прибытие короля Саксонии с парой саксонских полков, наконец, конгресс в Праге, который я не имел ни малейшего желания видеть, ибо таким оживленным стал этот город. Опасения, что домик, который я себе построил в уединенной местности чтобы тихо и спокойно придаваться наукам также может быть уничтожен, совершенно вывели меня из равновесия. Конгресс завершился безрезультатно; русские перешли Эльбу, через нашу местность прошли казаки, ежедневно хлеб и фураж должны были доставляться к саксонской границе, и ужасные потоки дождя делали их несъедобными до того, как они могли быть довезены по назначению. Урожай лежал в воде, и когда пришел день, чтобы его можно было собирать, в имении не нашлось лошадей. И в эти дни можно было снова

слышать канонаду из другого места, с направления на гору Милешовка, которую я могу видеть со своей горы Градишт. Я сидел на ее вершине и слушал с величайшим беспокойством, пока она, в конце концов, становясь слабее, мне в утешение не смолкла; это была битва при Кульме (30 августа), о счастливом исходе которой мы узнали на второй день.

Как бы сильно мы ни радовались, беспокойство не уменьшалось. Хлопоты о раненых и госпиталях, прохождение пленных, которые принесли с собой опасную инфекцию и заразили все деревни, где они стояли ночлегом, увеличивали заботы, пока, наконец, 17 и 18 октября не была вновь услышана канонада, но слабее, чем в мае, и с нескольких сторон, которая, становясь все слабее, замолкла. Из этого я сделал вывод, что наши войска наступали и завоевали победу, и поскольку в тот же день в Прагу отправлялась почта, я сообщил услышанную мною радостную весть, и с наслаждением получил 21 октября эстафетой ее подтверждение из Праги. В первом порыве радости я устроил небольшой праздник с иллюминацией и фейерверком и дал бал в развалинах Старой Бржезины, на который пригласил моих соседей и окружного голову.

Три венценосных победителя следовали за своими армиями во Франкфурт, где появлялись все новые короли и королевские высочества, чьи войска по своему желанию или без оного присоединялись к победоносным армиям, чтобы при общем дне ликования высказать свое «*pater, peccāvi!*»² и утешиться «*surge et noll peccare*»³. Только князь-примас остался исключением, поскольку в своем ослеплении он немного ранее еще раз позволил министру Эдуиллю соблазнить себя передать свое княжество Ашаффенбург и Франкфурт вице-королю Евгению Наполеону. При приближении этих армий он удалился в епископство Констанцы, не заботясь ни в малейшей степени о своих правах, и жил там в епископской семинарии.

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111.

² Отче, я согрешил! (*лат.*).

³ Встань и больше не грешь (*лат.*).

Битва при Кульме

1814

Избавившись от тягостных забот близкой войны, я вновь вернулся с новой смелостью к привычной деловой жизни, куда тянул меня мой все время расширяющийся маленький музей. Тем временем наши войска пробились к Парижу, и я поехал в Прагу, чтобы разделить общее ликование по поводу благоприятных событий, которые казались нам означавшими длительное спокойствие. В апреле я предпринял экскурсию в Ирльбах к моему другу графу де Брэ, который купил это имение в Баварии, и тотчас принялся превращать его дом и сад в удобный и приятный тихий уголок для естествоиспытателя.

Когда по моему возвращению я узнал, что после ссылки Бонапарта на остров Эльба, реставрации Бурбонов и заключения мира император Франц намерен провести торжественный въезд в Вену, я заторопился туда с моим двоюродным братом, графом Клебельсбергом. Тот, кто знает добродетельный, жизнерадостный, всецело преданный личности императора народ Вены, легко сможет оценить то радостное настроение, которое охватило все сословия. Более 20000 человек собрались у дворца Шенбрунн уже накануне, чтобы увидеть прибытие монарха и восторженно его приветствовать. Наконец, 16 июня, когда им-

ператор и наследник престола на лошадях, в сопровождении всех гвардейцев, двигались к городу торжественной процессией, толпа с радостным гулом волновалась на всех дорогах и улицах, не вызывая при этом ни малейшего нарушения в процессии до церкви Св. Стефана, где был отслужен торжественный молебен. Это был трогательный спектакль, который захватил всех присутствующих.

После того как все торжества миновали и некоторые дела были урегулированы, я направил свой посох странника дальше к Грацу в Штирии, прежде всего для того, чтобы узнать более точно об устройстве Иоганнеума⁴. Жизненный опыт, что важнейшие коллекции, которые можно собрать за человеческую жизнь, наследниками часто не сохраняются и рассеиваются, а иногда целиком попадают в чужие страны, как коллекции Линнея и Палласа в Англию, уже тогда заботил меня: ведь и моим коллекциям однажды может грозить подобная участь. По этой причине я намеревался отдать их академии в Регенсбурге, если бы она была создана по воле князя-примаса:

⁴ Краеведческий музей (Landesmuseum) земли Штирия, основанный в 1811 году эрцгерцогом Иоганном Австрийским (Ред.).

Торжественный въезд императора Франца I в Вену после победы над Наполеоном

теперь же, однако, при изменившихся обстоятельствах я имел намерение посвятить их моей Родине и говорил об этом предварительно также с высочайшим обербургграфом – графом фон Коловрат-Либштейнским⁵, который воспринял эту предварительную договоренность с патристическим воодушевлением и поддержал. Иоганнеум, которому эрцгерцог Иоганн передал свои естественнонаучные коллекции, был тогда еще не полностью сформирован, но уже предназначен для объединения многих целей, которые ранее были достигнуты в Праге, где есть университет и политехнический институт. Все же это дало мне указание, какие необходимые вещи следует иметь в виду при создании подобных институтов, о чем я представил доклад высочайшему обербургграфу.

⁵ *Франц Антон граф фон Коловрат-Либштейнский* (1778–1861) – видный австрийский государственный деятель, в описываемое время высочайший обербургграф (губернатор) Богемии, президент Королевского богемского научного общества (Ред.).

Однажды, проникнув в Альпы, я шел своей дорогой к соляной шахте. Поднялся из Халля на Шладмингскую гору, где заночевал, и захотел добраться через обширное снежное поле до лежащих на его противоположной стороне тогда еще непокоренных вершин Торштайна. Но не прошел я и 300 шагов, как поднялся сильный ветер с метелью, который сделал невозможным дальнейшее продвижение вперед. Ишль тогда еще не был курортом, и восхитительные окрестности Гмунденского озера, которые сейчас посещаются столь многими чужеземцами, были известны только внутри страны. Но в естественноисторическом плане не обращали внимание на формации и окаменелости в Гозау и окрестностях, о которых тогда горячо спорили в Лондоне и Париже. Я последовал своим путем через Зальцбург, где меня посетил доктор Хоппе, который каждый год проводит часть лета в предгорьях, в Гастайне. Силу этих источников избавлять от усталости я испробовал многократно, так что после двенадцатичасовой альпийской экс-

Вацлав Скальник

курсии я чувствовал такую бодрость после принятой ванны, что сразу мог бы вновь подниматься в горы. Обратную поездку я совершил через Мюнхен и Регенсбург, откуда друг Феликс проводил меня до Бржезины.

В октябре ко мне в Бржезину приехали профессор, доктор Хоппе и придворный садовник Иллинг из Регенсбурга, затем садовник князя Лобковица Скальник⁶ из Праги, чтобы держать совет о продолжении посадок в моем саду. Поскольку и доктор Хоппе, и я привезли с собой кое-что редкое, как и новое, и четыре члена Регенсбургского ботанического общества оказались здесь, мы пришли к мысли обработать имеющийся материал и провести заседание; оно состоялось 31 октября. Постановили издавать Труды Регенсбургского общества, найденное доктором Хоппе в Гамсгрубе в Хайлигенблутском Тауэрне растение отнесли к новому роду, описали и назвали в честь президента общества графа де Брэ именем *Braya*, вновь определили многие редкие растения и исправили многие сомнительные [определения]. Протокол заседания общества был отослан в Регенсбург и на ближайшем его заседании одобрен. Это приятное сосуществование преследующих одинаковые цели естествоиспытателей было использовано для многочисленных ботанических обсуждений в теплицах и на свежем воздухе, пока снег не положил конец экскурсиям и мои гости снова не заторопились на родину.

⁶ Вацлав Скальник (1776–1861) – чешский ландшафтный архитектор и ботаник. Прославился благоустройством курорта в Мариенбаде (Ред.).

Теперь я замыслил подать для первого тома Трудов некоторые сочинения: первое, о нынешнем состоянии ботанической науки и необходимости облегчить изучение оной, я завершил в конце декабря 1814 года и закончил следующими словами (I, с. 38)⁷:

«Каким путем, спросят, можно достичь общего согласия ботаников? Я отвечаю: именно таким, на котором все предметы, о которых никто в одиночку не имеет права решать, устранены – через конгресс. В общедоступных газетах прочли мы, что именно к тому времени, когда земные властители, освободители Германии, умиротворители Европы, собрались в Вене, чтобы обеспечить нациям длительный мир, в Италии объединились астрономы, чтобы договориться о различных предметах этой столь важной науки: почему же подобное предприятие не может осуществиться среди ботаников? Нужно предвидеть, что суверены, которые столь славно достигли первой и величайшей цели своих великодушных и единогласных устремлений, теперь все свое внимание обратят на плоды этого мира, искусства и науки, национальную культуру, земледелие и т.д., следовательно, будут поддержаны и подобные начинания. В качестве места для этого собрания необходимо выбрать такое, где есть крупные ботаники, богатые сады, многочисленные библиотеки и гербарии, например, Вену, Берлин, Гёттинген, Мюнхен и т.д. Временем [его проведения] мог бы стать сентябрь месяц, когда ботаники, которые одновременно являются зрителями ботанических садов или профессорами, легче смогут приехать».

1815

До того, как эта работа вышла из печати в Регенсбурге, к сожалению, Бонапарт уже бежал с Эльбы, высадился во Франции, был разбит при Ватерлоо, союзники во второй раз оказались в Париже, Наполеон сослан на Святую Елену, и все люди занялись совсем другими мыслями. Мой голос растворился в шторме времени перемен: все же эта идея, как никакая, что была громко высказана, не пропала даром. Она была вновь подхвачена и озвучена Штёйделем во втором томе того же журнала, окончательно распространена Океном через «Изиду» и, через собрания немецких естествоиспытателей, реализована в превосходной форме.

⁷ Sternberg C., Graf von. Ueber den gegenwärtigen Standpunkt der botanischen Wissenschaft, und die Nothwendigkeit, das Studium derselben zu erleichtern // Denkschriften der Königlich-Baierischen Botanischen Gesellschaft in Regensburg. – 1815. – Bd 1. – Abt. 1. – S. 1–44 (Ред.).

Первое изображение *Braya alpina* Sternberg et Hoppe из статьи: Sternberg C., Graf von, Hoppe D.H. *Braya*, eine neue Pflanzengattung // Denkschriften der Königlich-Baierischen Botanischen Gesellschaft in Regensburg. – 1815. – Bd 1. – Abt. 1. – S. 65–75.

Стодневный эпизод нового появления Бонапарта во Франции и его последствия привел к большому несчастью для Европы, чем прошедшие долгие войны. На конгрессе, после раздела трофеев и заботы, насколько можно, о восстановлении равновесия, серьезно занялись тем, чтобы вознаградить и верные народы, которые внесли столь существенный вклад в победу своим имуществом и кровью. Уже велись переговоры об основных положениях конституций, которые следовало разработать, свободе речного судоходства, объединения монетных систем и тому подобном, – как побег Бонапарта, торопя все мысли к быстрому сопротивлению, вызвал очень быстрое завершение лишь наполовину обсужденных вопросов, и протокол был спешно подготовлен разъезжающимися посланниками. То, как я и многие мои близкие, которые действительно

не имели ни причины, ни желания слишком солидаризироваться с монархиями, отзывались о тогдашнем времени, я нахожу в одном из моих писем⁸:

«Бржезина, 2 января 1815

Нет сомнения, что существует партия за введение представительного правления в Германии; именно эта идея заставила маршировать половину армий в 1813 году. Правительство Англии первым ввело ее в Ганноверских землях. Если бы суверены и министры имели время подумать о прошлом и будущем, они схватились бы за эту идею, которая в общем уже распространилась в Германии, и придали бы ей широкое толкование (*proportionnée*), которое она должна получить, чтобы стать подходящей для государства. И не ждали, что она заставит ее даровать с помощью опасной реакции, которая могла бы успешно преодолеть границы, изначально зафиксированные в монархиях-государствах, этот древний идеал прочного правления, удовлетворяющего равным образом суверенов и народы. Начать должны именно суверены. Взяв в руки инициативу новой организации, им будет несложно проложить путь, на котором она станет охраной для трона и гарантией для наций. Но если не приложить к этому руку самим, интриганы подхватят эту

ставшую популярной идею и из этого может выйти очень большое зло. К сожалению, кажется, что все это еще в сотне лье от согласия даже в самых основах. Желают все закончить одновременно, и в этом причина, почему ничего не движется с места».

Этот год (1815), начавшийся со столь больших надежд и омраченный еще большим замешательством, показал в быстрой смене поразительный тип антитез XIX века. Бонапарт под надежной охраной англичан на Святой Елене и Бурбоны, восстановленные на ненадежном троне Франции; солдаты, украшенные зелеными веточками, позвякивая, потянулись домой, и больше

⁸ Письмо написано на французском языке и цитируется в мемуарах К.М. фон Штернберга по-французски (*Ред.*).

не было речи обо всем том, что вызвало в прошлом году столь многосторонний интерес.

Я использовал вновь наступившее спокойствие на протяжении лета для поездки в Исполиновы горы с двойной целью – ботаники нынешнего и древнего мира, последней из которых я уже серьезно занимался. Я был не менее удивлен, обнаружив в небольшой заснеженной впадине на горе, которая еще далеко не достигала границы снегов и вмещала лишь немногие альпийские растения, *Saxifraga nivalis* и *Rubus chamaemors* – обитателей самого крайнего севера. Изотермические линии температур подвержены столь многим изгибам, обусловлены столь многочисленными побочными действиями, что тем самым могут быть вызваны неожиданные явления. Каменноугольные породы у Шацлара преподнесли мне многочисленные отпечатки растений, которые не встречаются в моих угольных шахтах, и гротескные формы поразительных «зеленых песков» в известной романтической местности у Адерсбаха закончили эту экскурсию.

1816

Но человек слишком склонен верить в то, что он желает. Всеобщая тишина, схожая с покоем, которая наступила после штормов последних лет, дала даже мне надежду, что теперь началась новая эра, которая таила в себе долгий срок. После зимы, привычно прожитой в замке моей семьи, я решил по порядку посетить своих старых друзей и знакомых, которых не видел много лет. Я двинулся своим путем через Франкфурт в Цигенберг к г-же фон Лёв, уже вдове, увиделся с семьей Гюндероде, затем поехал с г-жой фон Лёв вдоль берега Лана к министру фон Штайну в Нассау и в окрестности Эмса, затем через Гейдельберг, Штутгарт в Донцдорф к графу Рехбергу и наконец через Мюнхен в Регенсбург, где бывший князь-примас проживал как частное лицо.

Король Баварии, которому достался Ашаффенбург и который нашел там все в величайшем порядке, поддерживал князя-примаса, пока пошлины, которые тот еще должен был получать с рейнских таможен, не стали выплачиваться и не облегчили его положение. Он сносил свою судьбу с отрешенным спокойствием, не позволяя себе никаких жалоб, ни разговоров о прошлом. Когда он узнал о моем прибытии, он поручил пригласить к столу меня со многими членами Ботанического общества и объявил нам, что хочет приобрести для общества, которое из-за последних событий потеряло свой ботанический сад, другое место для сада, что и свершилось еще до его смерти. До возведения оранжереи из стекла, разметки и создания сада он уже не дожил.

Христиан Фридрих Хорншух

Он присутствовал на всех заседаниях общества; последнее, которое проходило за четыре дня до его смерти (5 февраля 1817 года), состоялось в его покоях, поскольку он уже чувствовал себя неважно. Счастье повернулось к нему спиной, судьба уничтожила его, лишь природа осталась верной ему, как и он ей.

Друг Феликс сопровождал меня в Бржезину; следом за ним вскоре последовали доктор Хоппе и профессор Хорншух⁹, оба добравшиеся из Триеста пешком в Бржезину, занимаясь ботаникой. Также были представлены и обработаны многие редкие растения, собраны материалы для второго тома Трудов. Общество расширилось благодаря прибытию одного из сыновей моего старейшего друга графа Бройнера и Алоиза Майера, теперь многолетнего горного советника в Пришибраме. Еще мы предприняли экскурсию в Мариенбад. Эти источники, известные столетиями, но лежащие в довольно залесенной местности, где нельзя было найти пристанища кроме охотничьего домика, долго оставались неиспользованными; прелату Райтенбергеру и известному доктору Ройссу они обязаны своей нынешней репутацией. Когда мы их посетили, все было еще в первозданном виде. Мы вернулись назад нагруженные камнями, и все мои гости разъехались, последовав своим призваниям.

⁹ Христиан Фридрих Хорншух (1793–1850) – немецкий естествоиспытатель и натурфилософ (Ред.).

Горный мастер Линдакер, всегда деятельный участник моих работ, уже долгое время страдал туберкулезом дыхательных путей. Он владел собранной им самим коллекцией минералов, которая содержала многие ценные образцы. Но поскольку, не подозревая об опасности своего положения, он при жизни никоим образом не расстался бы со своей коллекцией, я сделал ему предложение выйти на пенсию, переехать ко мне, объединить его коллекцию с моей и продать мне с условием, что после нашей смерти она должна была отойти общественному учреждению в Богемии как «Коллекция Штернберга-Линдакера». Пока он был жив, он должен был оставаться ее хранителем. Это предложение он принял, был подготовлен контракт, задаток уплачен. Но еще до того, как могло быть совершенно объединение, он уже, к моему большому сожалению, ушел от нас. Коллекция была, однако, спасена для Родины.

Этот год (1816) вообще был роковым. Из-за постоянных дождей и холода урожай погиб, картофель совершенно не уродился, все запасы в стране были истощены поставками в 1813 году и прохождением войск в 1815-м, и как раз в этом году было значительно увеличено налоговое бремя. Я уже заранее предвидел вероятность этой опасной нехватки и 1 октября отдал распоряжение моей хозяйственной службе сообщить окружной хозяйственной службе о вероятности голода в горах. Правящие сословия собрали по этому поводу ландтаг и попросили аванс для покупки зерна: только вот до того, как в обычном порядке последовал ответ, в горах уже разразился голод, а земля покрылась снегом. Его Величество Император, выделив сумму в 200000 гульденов в разменной монете, встал во главе объединения, которое в короткое время собрало почти миллион и купило в Гамбурге зерно, которое, однако, должно было доставляться уже по главному снегу, с трудом и за большие деньги.

Но так как благодаря этой закупке, посевная была обеспечена, оказалось возможным перемолоть имеющиеся ячмень и овес, и запасы были быстро доставлены в самые пострадавшие местности. Вкус суррогата вызвал, как всегда, весной нервную горячку. С помощью обильного посева на полях под паром семян свеклы, которые при благоприятной погоде быстро прорастают, была добыта еще здоровая пища для времени уборки урожая, так что внушающее опасение зло было в значительной мере уменьшено. Я заранее заготовил себе много мешков риса; это легкое здоровое питание защитило выздоравливающих от рецидива нервной горячки, который обычно смертелен.

Во время моей поездки по Германии в истекшем году я имел возможность заметить, что хотя народы, уставшие от долгих трудностей войны, радовались миру, но все же не были удовлетворены, поскольку из того, на что они надеялись и чего ожидали, еще не было осуществлено, хотя одновременно в иных менее значительных государствах занялись идеей конституции. В Богемии благословенный урожай завершил цикл мрачных лет и народ приободрился.

Бржезина превратилась в совершенно замечательный музей, его посещали даже некоторые путешественники: однако он лежал слишком в стороне, чтобы стать в этом месте полезным для общества. Эти мысли вновь пробудили в моей памяти идею создания *Национального музея*. Моя библиотека и естественнонаучные коллекции были достаточными, чтобы образовать ядро, вокруг которого, как у агатов и египетских кремней, могли образоваться концентрические круги. Верховный обербургграф, однако, справедливо заметил, что после неординарных усилий прошлого года необходимо обождать с этой идеей еще год. Тем временем я распорядился через своего секретаря доктора Зеленку, молодого минералога, выставить коллекцию Штернберга-Линдакера в новых витринах.

Для «Ученых записок» Научного общества в Праге, которое выбрало меня своим почетным членом, я написал работу о растениях Богемии, которая была напечатана в шестом томе их «Ученых записок»¹⁰. В то же время я обрабатывал «Комментарии» Маттиоли к Диоскориду по семи различным изданиям, сводя их к названиям системы Линнея, напечатав [этот труд] в Лейпциге.

В течение лета я предпринял две экскурсии по стране: первую в Среднегорье, через ряд фенитовых, порфировых и базальтовых горных вершин, которые придают столько очарования окрестностям Теплица; вторую – к северным гранитам на берегу Молдау¹¹ у Орлика и к достопримечательным руинам Клингенберга.

В конце года я вернулся назад в Прагу, где мой двоюродный брат граф Франц Штернберг¹² поселил меня в его небольшом доме, в котором я

¹⁰ Sternberg K., Graf von. Abhandlung über die Pflanzenfunde in Böhmen // Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. – 1820. – Bd 6 (Ped.).

¹¹ Немецкое наименование р. Влтава (Ped.).

¹² Франц Йозеф граф фон Штернберг-Мандершейд (1763–1830) – чешский меценат и просветитель, инициатор учреждения Общества патриотических друзей искусств (Ped.).

Развалины крепости Клингенберг

проживал до его смерти (1830) и провел, в качестве полноправного члена, многие приятные часы в кругу этой достойной семьи.

1818

Это *expectatio casuum similium*¹³, этот чисто практический здравый смысл, который мы пренебрежительно приписываем собакам и другим животным, но у которого я, однако, во многих случаях гораздо быстрее находил совет и помощь, нежели в трансцендентальной философии, не оставлял меня в покое: как защитить мои коллекции от возможного рассеяния и оставить их за Отечеством. Долго откладываемый план создать *Богемский национальный музей* снова стал темой для обсуждения. Он мог принести пользу лишь в той стране, где быстро развивалась промышленность, поскольку изучение так называемых точных наук (*sciences exactes*) составляет основу промышленной культуры. Но эти науки не могут с успехом преподаваться в политехническом институте без многочисленных коллекций и богатой библиотеки по всем предметам естественных

наук. Только Национальный музей, где наряду с многочисленными коллекциями всех видов можно также найти книги, которые, следуя духу времени, предлагают всевозможную помощь как профессорам, так и студентам во всем новом, что выходит в Европе по этим дисциплинам, годится для подобной цели. Пражский высочайший обербургграф – граф фон Коловрат – соглашался с этим мнением и издал 15 апреля 1818 воззвание «К отечественным друзьям наук», в котором этот план был кратко изложен и было предложено делать пожертвования:

«Приятное убеждение в том, что в доверенном мне Его Величеством Императором королевстве Богемии приносит плоды все общеплезно красивое и великое, и сообщенный мне некоторыми друзьями Отечества и наук план основания отечественного музея для Богемии являются поводом для этого обращения.

История всех народов описывает эпохи, в которые действующая вовне энергия наций, пробужденная долгими штормами, обращается внутрь при наступившем спокойствии, вновь собирает муз, оставленных без присмотра в бурях времени, и поднимает до высокого уровня развития искусства и науки.

¹³ Ожидание похожего случая (*лат.*).

Франц фон Коловрат-Либштейнский

Наша родная история показывает нам, что сделали для науки в Отечестве император *Карл Четвертый*, основатель Пражского университета, и его первый канцлер, благочестивый и ученый эрц-епископ *Арнестус*, какого высокого уровня образования достигла Богемия после бурь XV и половины XVI веков в правление *Рудольфа Второго*, при дворе которого находились выдающиеся ученые того времени, и как искусства и науки вступили в действительно золотой век.

Кого бы не вдохновило то, как после окончания Семилетней войны при правительстве *Марии Терезии* и *Иосифа Второго* пышным цветом расцвело новое стремление к науке, когда были основаны Научное общество в Праге при высочайшем обербургграфе *Карле Эгоне* князе фон *Фюрстенберге* и позднее – Патриотическо-экономическое общество.

Но и при нынешнем славном правительстве Его Величества Императора *Франца* возбуждающее стремление самой нации еще осталось действенным при менее благоприятных условиях времени. Богемские сословия основали *Политехнический институт*, первый в этом роде в австрийской монархии, который уже обучил для этого государства полезных научно-образованных питомцев; с помощью частных объединений была основана *Академия изобразительных искусств*, которая располагает значительной галереей и необходимыми моделями для обучения

молодых художников, и создана *музыкальная консерватория*, чьи воспитанники уже не раз удостоивались признания публики; институты, которые также были достойны аплодисментов и признания высших инстанций.

Все эти учреждения были в своем кругу настолько действенны, насколько позволяли обстоятельства времени: остается желать лишь этого и впредь.

Еще нет ни полной общей истории богемской литературы, ни полного [описания] богемских памятников (*Monumenta Bohemica*), которые были бы так важны для объяснения отечественной истории, ни полной естественной истории Богемии как в целом, так и по отдельным ветвям царства природы, ни общего геогностического обозрения этой страны, столь важного для геогнозии.

Множество материалов по этим вопросам имеются в Богемии, но разбросанные, и поскольку они таковы, их использование остается чрезвычайно трудным, почти невозможным, и лишь создание отечественного *Музея* может объединить эти отдельные материалы и проложить путь к заполнению указанных пробелов».

Пока все силы, ограниченные лишь собственным сохранением и спасением государства, должны были действовать вовне, основание подобного учреждения было невозможно. Но теперь, поскольку завоеван длительный мир и есть надежда на лучшее будущее, кажется своевременным сделать дело, которое уже делается в австрийских государствах в Граце под именем «Иоганнеум», в Пеште под названием «Национальный музей» и в Брюнне как «Моравско-силезский краеведческий музей», и для которого в нашем Отечестве уже есть значительные предложения как целых коллекций, так и отдельных дарений со стороны многих патриотически мыслящих людей.

Однако, поскольку подобное заведение должно иметь надежную основу и каждый, кто хочет помочь с ним, должен знать его охват, я сообщаю здесь главные черты представленного мне плана основания отечественного Музея для Богемии.

Отечественный музей должен собирать и хранить все предметы, принадлежащие к области национальной литературы и национального производства, и давать обзор всего того, что природа и человеческий труд произвели на Родине.

В частности он должен состоять:

1. Из собрания отечественных документов.
2. Из собрания копий или рисунков всех находящихся в стране памятников, могильных камней, надписей, статуй, барельефов и т.д.

3. Из по возможности полных собраний гербов, печатей и монет Родины или их оттисков.

4. Из собрания земельных карт и планов как с точки зрения географо-статистической, так и с точки зрения старых горных предприятий в Богемии.

5. Из полного кабинета естественных образований всех трех царств природы с особым упором на отечественное, так что наряду с общими коллекциями минералов и окаменелостей выставить отдельную топографо-гностическую коллекцию 16 округов Богемии и, помимо общего *Herbarium*, следовало бы собрать еще особый для *Flora* Богемии, с употреблением богемских названий, что также относится к четвероногим, птицам, рыбам, насекомым etc. etc.

6. Из библиотеки, которая ограничивается *Bohemica* в широком смысле слова и так называемыми точными науками (*Sciences exactes*). К первой принадлежат все книги и манускрипты, которые написаны на богемском языке, написаны богемцем или изданы в Богемии, так же как и те, которые по своему содержанию имеют дело с Богемией; ко вторым – все те, которые входят в область математики и физики, при этом, наряду с главными работами, также и остальные, относящиеся к этим областям, свои и иностранные вспомогательные книги и журналы.

Наконец,

7. Из зала продукции, в который будут приняты все отечественные изделия мануфактур, произведения искусства и изобретения или их модели.

Выставление всех этих коллекций требует вместительного здания, чья внутренняя обстановка вызывает значительные расходы.

Содержание всего этого делает необходимым наем *одного*, а впоследствии также *нескольких* смотрителей (*Custoden*), и одного слуги.

Расширение коллекций и приобретение самых необходимых вспомогательных книг и продолжающихся журналов требуют не только значительного фонда для основания этого института, но также и ежегодных пожертвований на его содержание.

По этому поводу некоторые друзья Отечества уже выдвинули значительные предложения, и можно с уверенностью ожидать, что при патриотизме богемцев, который, благодаря деятельному участию в каждом общественно полезном предприятии, постоянно подтверждал свой высокий смысл, учреждение, чьими первейшими целями являются расширение важнейших знаний для практической жизни, произведение улучшений во всех отраслях индустрии и использование внутренних сокровищ Отечества для целена-

Франц фон Штернберг-Мандершейд

правленных действий, получит весомую поддержку.

Поэтому остается лишь указать, каким образом каждое частное лицо может поучаствовать в основании и содержании этого института.

Или через направление денежной суммы однократно за все время, или через согласие на определенное ежегодное пожертвование, в конце концов, через вклады указанных выше материалов, как то: книг, документов, природных образований etc. etc. в виде целых коллекций или по отдельности.

Все, кто тем или иным образом внесут вклад в создание и содержание этого института, будут рассматриваться как основатели Отечественного музея, и их имена будут внесены в книгу его создателей для увековечения.

Прага, 15 апреля 1818.

Франц граф фон Коловрат,
высочайший обербургграф».

К тому же моменту был образован временный комитет, который должен был вести дела под председательством высочайшего обербургграфа, пока уставы, которые надлежало представить Его Величеству, будут утверждены. Члены этого комитета, князь Антон Исидор Лобковиц¹⁴, граф

¹⁴ Антон Исидор Лобковиц, князь (1773–1819) – чешский меценат, один из учредителей и первый президент Общества патриотических друзей искусств (Ред.).

Франц фон Клебельсберг

Антон Исидор Лобковиц

Прокоп Хартманн, граф Франц Клебельсберг¹⁵, граф Франц Штернберг и я, обратились одновременно с письмом к членам объединения в 1816/1817 годах, чтобы пригласить их к участию. Очень скоро проявилось чисто патриотическое содействие во всех сословиях, так что оставалась лишь одна трудность, а именно: снять подходящий дом и обставить его в соответствии с целью.

Проживая среди обширной [области развития] каменноугольной формации, где была возможность изучать и сравнивать отпечатки растений, я все более и более знакомился с флорой Древнего мира. Маркшейдер Прайслер и молодой художник, обучение которого в художественной школе я оплачивал, рисовали отпечатки для первой тетради¹⁶, над которой я начал работать. Граф де Брэ, который посетил меня в Бржезине со своей семьей, нашел меня среди моих камней и растений и порадовался моим деятельным занятиям.

Болезнь печени, которая уже долгие годы вынуждает меня все чаще посещать карлсбадские

источники, заставила меня также и в том году поехать туда. Там почти всегда можно найти естествоиспытателей, что ведет к экскурсиям в близлежащие шахты Шлагенвальда и Иоахимсталля или к базальтовым образованиям, чем самым приятным образом прерывается незначительность обычной курортной жизни. Чтобы обеспечить себе техническую помощь и во Франценсбаде, я взял с собой одного горнорабочего, чтобы обеспечить себе солидные сборы для коллекций из [недр] холма с запутанными подземельями и из так называемого Эграна у Хазлаха. С целью дальнейшего лечения я предпринял поездку в Донцдорф к моему другу графу Рехбергу, провел некоторое время в Швабских Альпах, чтобы собрать окаменелости из юрской формации, и вернулся снова назад через Мюнхен и Регенсбург.

1819

В мае месяце эрцгерцог Иоганн прибыл в Пльзень по военным делам. Я сам посетил его там как моего всегда самого милостивого покровителя; он выказал свое одобрение научной деятельности в Богемии и подарил мне обнаруженное в Штирии новое растение. Вскоре после этого верховный обербургграф Коловрат-Либштейнский приехал ко мне в Бржезину, чтобы осмотреть природные образования и библиотеку, которые я предназначил для Музея. Я сопровождал его в старую крепость Либштейн на берегу

¹⁵ Франц Йозеф граф фон Клебельсберг (1774–1857) – видный австрийский государственный чиновник, коллекционер монет, медалей и гравюр. Отчим небезызвестной Ульрики фон Левецов – последней возлюбленной И.В. Гёте (Ред.).

¹⁶ Имеется в виду первый выпуск «Флоры Древнего мира»: Sternberg K.M. Versuch einer geognostisch-botanischen Darstellung der Flora der Vorwelt. Bd 1. H. 1. – Leipzig: F. Fleischer, 1820. – 24 S. (Ред.).

Карл Фридрих Филипп фон Марциус

Эрцгерцог Иоганн Австрийский

Мисы, к родовому замку этой ветви семьи Коловратов и далее через Пльзень, Мариенбад, Франценсбрюнн, Карлсбад, Эльбоген и Шлагенвальд, и во время поездки мы добыли кое-какие редкости для Музея. Затем я завернул к Ирльбаху, к графу де Брэ, и поехал с ним в Регенсбург на ботаническое заседание, на котором я продемонстрировал рисунки, подготовленные для первой тетради «Флоры древнего мира», и кавалер фон Марциус¹⁷ сообщил свои взгляды на аналоги вымерших растений. Мой бывший сад в Регенсбурге, который был теперь в руках княгини Таксис, урожденной герцогини фон Мекленбург, снова приведен в порядок и, помимо снятия моего герба и надписи, которые относились к прежнему его назначению, содержался совершенно в исходной форме; и растительность, несмотря на выдержанную в июне 1809 года огненную проверку пушками, была отменно пышной.

После моего возвращения в Бржезину я задержался там лишь на краткое время и поехал через Теплиц и Кульм в Дечин, чтобы подробнее изучить образование бурого угля между базальтами и отношения столбчатого базальта к также столбчатому, залегающему на нем песчанику, на

Кульмской горе недалеко от Дечина. Через несколько дней пребывания в прекрасном, восседавшем на скале на берегу Эльбы, как на троне, замке, у гостеприимной семьи графа Туна, я предпринял пешую прогулку через удивительные группы зеленых песков во владении Камнитц в коронованные базальтовыми вершинами гранитные горы владения Хайншпах и оттуда через Лаузиц к графу Брюлю в Пфёрдтен, Дрезден, в угольные шахты плауэнской земли и вернулся назад через Фрайберг и Дукс.

Осенние месяцы до декабря ушли на обработку привезенного; один день в неделю оставался, однако, посвященным радостям охоты, чтобы упражнять тело и наслаждаться привлекательными сторонами общественной жизни. Конкретные экономические дела я передал своим служащим, но план заказов и выращивание овец я держал под контролем; точно так же я предоставлял лес лесникам, но сам составлял отчетные ведомости и контролировал лесопосадки. Строительство шахт и управление железорудной мануфактурой, из-за ошибок в которых может возникнуть существенный убыток, я держал под постоянным наблюдением и не позволял предпринимать ничего, по меньшей мере без обсуждения планов. Но чтобы создать и моим служащим возможность самим учиться, я заложил основу должностной библиотеки по горному делу и хозяйственным вопросам, которая ежегодно увеличивалась и не осталась без употребления.

(Продолжение следует)

¹⁷ Карл Фридрих Филипп фон Марциус (1794–1868) – немецкий ботаник и этнограф. Известен своими исследованиями флоры Бразилии, откуда привез великолепный гербарий, составлявший одну из крупнейших частных коллекций своего времени. В 1820 году за бразильскую экспедицию был удостоен Ордена гражданских заслуг Баварской короны (Ред.).